

Родословная гениальности: из истории отечественной науки 20-х гг. Сост., вступительная статья, комм. Е.В. Пчелова. Предисловие Н.П. Бочкова. М.: Старая Басманная, 2008, 350 с., 8 с. ил.

Отечественная антропологическая литература обогатилась интересной новинкой, возвращающей в «пору русского научного Возрождения» (20-е гг. XX в.) – время всплеска радикальных и утопических идей.

Мировое евгеническое движение, с опозданием охватив лежащую в разлуке Советскую Россию, получило – прежде всего, в Московском университете – достойных адептов среди врачей, биологов, психологов, юристов, статистиков. Большинство антропологов (по свидетельству Б.Н. Вишневого) симпатизировало евгенике. Проф. Д.Н. Анучин, подчеркивая, что развитие евгеники стоит в непосредственной связи с успехами антропологии, готовил для Русского Евгенического Общества (далее – Р.Е.О.) доклад о родословной А.С. Пушкина. В.В. Бунак, неизменно являясь членом Бюро Р.Е.О., а в 1920–1926 гг. даже возглавляя Евгенический отдел Института экспериментальной биологии Наркомздрава, опубликовал в Русском Евгеническом журнале (далее – Р.Е.Ж.) ряд работ типичной евгенической тематики (о смешении рас, о влиянии так называемых «расовых ядов», о морфологических особенностях близнецов, о биологическом значении войны и т.д.). Его исследование о соотношении полов было опубликовано в материалах III Евгенического Конгресса в Нью-Йорке в 1932 г. 27 сентября 1948 г. профессор кафедры антропологии В.В. Бунак был освобожден от занимаемой должности как стоявший «на евгенистических позициях ...и нигде публично (в печати) не отказавшийся от своих ложных установок». Классические работы М.В. Волоцкого по дерматоглифике явились развитием его евгенических исследований пальцевых узоров, а книга «Хроника рода Достоевского (1506–1933)» (М.: Север, 1933, 446 с.) – результатом многолетних разысканий, предпринятых по предложению главы русской евгеники, директора Института экспериментальной биологии проф. Н.К. Кольцова. Именно на страницах Р.Е.Ж. увидела свет статья

Я.Я. Рогинского «Учение о характере и эволюция». Четверть века вместе с В.В. Бунаком по евгеническим (позднее – медико-генетическим) вопросам работала Г.В. Соболева (сотрудник Института антропологии в 1924–1958 гг.).

Следует отметить, что русская евгеника, как справедливо подчеркнуто, – «удивительное созвездие имен первой величины» (с. 33) – изучена недостаточно. «Прорывом» явилась книга покойного В.В. Бабкова «Заря генетики человека. Русское евгеническое движение и начало генетики человека» (М.: Прогресс-Традиция, 2008, 800 с.), в которой из антропологов традиционно тенденциозно представлен только М.В. Волоцкой. Поэтому появление второй отечественной хрестоматии по русской евгенике не может не вызвать у антропологов заинтересованного отклика, особенно если ее автор – представитель смежной дисциплины.

Составитель сборника – историк, специалист по генеалогии, что предопределило тематику перепечатаемых статей (выделенных в часть 2). Их авторы – в основном члены Р.Е.О., в том числе – ведущие русские генеалоги. «Обрамлением», необходимым для воссоздания идейного контекста, являются статьи выдающихся биологов, руководителей русской евгеники – профессоров Н.К. Кольцова, Ю.А. Филипченко и А.С. Серебровского. Для каждого из них именно увлеченность евгеникой была выдвинута как обоснование травли.

Статья бессменного председателя Р.Е.О. проф. Н.К. Кольцова «Улучшение человеческой породы» (с. 61–77) являлась программной. В ней показательно отражены такие свойства русского евгенического движения, как комплексный анализ биологии человека, что принципиально важно в антропологии, а также преимущественное теоретизирование и гуманистическое звучание, обусловленное, в том числе, и традициями отечественного менталитета. Статья проф. Ю.А. Филипченко «Интеллигенция и таланты» (с. 295–301), «ставшая его лебединой песней в евгенике» (с. 60), пожалуй, является самой важной из его евгенического цикла. Острые резкой критики статьи проф. А.С. Серебровского «Антропогенетика и евгеника в социалистическом обществе» (с. 303–312), программной по смыслу, «которой фактически евгеника и закончилась» (с. 60), было направлено на заключенную в ней радикальную идею

«получения зачатия от искусственного осеменения рекомендованной спермой» (с. 310). Возвращение этих работ в научный оборот лишний раз демонстрирует, что «опасность» русской евгеники заключалась прежде всего в независимом мышлении ее творцов, а не только в каких-либо неосмотрительных высказываниях.

Чрезвычайно ценной является развернутая вступительная статья «Евгеника и генеалогия в отечественной науке 1920-х годов» (выделена в часть I, с. 7–60), в которой на основе широкого круга источников (в том числе архивных) Е.В. Пчелов дает обзор событий как становления, так и заката русской евгеники, дополняемый более или менее подробным рассмотрением персоналий (Ф. Гальтон, Н.К. Кольцов, Ю.А. Филипченко, А.С. Серебровский, Г. Мёллер, М.В. Волоцкой, В.В. Бунак, Г.В. Соболева, В.В. Сахаров, Н.В. Попов, О.В. Николаев, Т.И. Юдин, П.И. Люблинский, С.Н. Давиденков, Н.П. Чулков, С.В. Любимов, Ю.А. Нелидов, Н.К. фон Эссен, В.С. Арсеньев, И.М. Картавцов, В.С. Золотарёв, П.Ф. Рокицкий, Г.Г. Фризен). Дефицит литературы по русской евгенике делает такую статью с практически полной библиографией абсолютно необходимой. Заслугой Е.В. Пчелова является актуализация роли проф. Ю.А. Филипченко: «Основателями евгеники в России можно считать двух замечательных ученых» (с. 14). Однако на мой взгляд, точнее была бы оценка проф. Ю.А. Филипченко как «правой руки». Мне хотелось бы подчеркнуть, что уже в 1924–1925 гг. и Н.К. Кольцов, и Ю.А. Филипченко резко критиковались как «буржуазные евгенисты», что нашло отражение в тематике их исследований. Едва ли справедливо считать «социалистическую евгенику» А.С. Серебровского и «биосоциальную евгенику» М.В. Волоцкого сформировавшимися направлениями (с. 20) – скорее это комплекс идей и их практических следствий, казавшихся этим евгеникам актуальными.

Разумеется, выполненным в связи с евгеническими заданиями генеалогическим исследованиям в рецензируемой книге отведено особое место. Е.В. Пчелов выделяет «евгенический этап русской генеалогии» (с. 39–50), подчеркнув «интересный синтез, от которого «выиграли» обе стороны: генетики получили возможность использования репрезентативного исторического материала и выработанных практикой методов создания родословных, а генеалоги – возможность проверки тех или иных исторических гипотез на генетическом уровне» (с. 59). (Эта идея «выигрыша» убедительно раскрыта в статье Л.М. Савёлова-

Савелкова, см. ниже). Очевидно, что «после 1917 г. ...ярко выраженный дворянский «характер» [русской генеалогии – Т.Т.] воспринимался враждебным для нового строя (с. 59). Опубликованные в Р.Е.Ж. (та же последовательность воспроизведена в рецензируемой книге) генеалогические статьи анализируют родословные, отличающиеся значительным числом выдающихся людей (род графов Толстых, потомство барона П.П. Шафиров, декабристов Муравьевых, потомков акад. К.-Э. Бэра, предков графа С.Ю. Витте). Чрезвычайно показательным является установленный В.С. Золотарёвым факт «переплетающегося родства» знаменитых деятелей русской культуры (А.С. Пушкина, графа Л.Н. Толстого, П.Я. Чаадаева, Ю.Ф. Самарина, А.И. Герцена, кн. П.А. Кропоткина, кн. С.Н. Трубецкого и др.). В этом же плане произведена им и «предварительная разведка» (с. 211) материала по участникам декабристского движения (статья «Декабристы (Опыт анализа наследственных задатков)»). Следование заданному Ф. Гальтоном методу представлено в работах и самого проф. Н.К. Кольцова: «Генеалогия Ч. Дарвина и Ф. Гальтона» и «Родословные наших выдвиненцев», а также его последователей – А.С. Серебровского («Генеалогия рода Аксаковых») и П.Ф. Рокицкого («Бакунины»). Обсуждению качеств потомства выдающихся людей посвящены статьи проф. Н.К. Кольцова и Д.А. Жбанкова. Обобщение результатов анкетных характеристик академиков представлено в исследовании Т.К. Лепина, Я.Я. Луса и проф. Ю.А. Филипченко «Действительные члены Академии наук за последние 80 лет (1846–1924)». Генеалогические статьи Р.Е.Ж. дополнены неопубликованными материалами, сохранившимися в фонде Н.К. Кольцова (Архив РАН), а именно: статьями И.М. Картавцова «Русская генеалогическая литература 1918–1927 гг.», С.В. Любимова «Семейство Рубинштейнов», Г.Г. Фризена «Поэты и антропогенетика», а также статьей (из эмигрантской периодики) выдающегося русского генеалoga первой половины XX в. Л.М. Савёлова-Савелкова «Генетика и евгеника, как части генеалогии». В приложении помещена статья Е.Н. Каменевой «Личность и генеалогия Пушкина с точки зрения современного учения о конституции и наследственности» (опубликованной в Журнале психологии, неврологии и психиатрии в 1924 г.), очень любопытная в плане созвучия идеям генеалогов-современников.

В название книги, на мой взгляд, не вполне удачно введено слово «гениальность»: излишней

отсылкой к Ф. Гальтону умаляется идейный диапазон евгенического движения, и к тому же возникает несколько популистский оттенок. Для Советской России тема «гениальности» не была вполне адекватной: несравненно чаще обсуждалась общая или специальная (литературная, музыкальная и т.д.) одаренность, или рассматривался более универсальный аспект – характерологический. Однако, ясно, что, по сути, здесь различие только в постановке вопроса, но не в анализируемом материале – еще Ф. Гальтоном было убедительно показано, что гении появляются на фоне одаренных родственников. Следует подчеркнуть, что русские евгенические тексты обладают непреходящей свежестью и многоплановым звучанием потому, что о талантливости размышляли талантливейшие ученые, причем в фокусе их внимания оказались наиболее яркие представители их социальной группы.

Оформление книги удачно перекликается с Р.Е.Ж. Среди иллюстраций преобладают фотографии наиболее известных евгеников. Книга, возможно, выиграла бы, если бы была дополнена краткими комментариями биолога и психолога: это с очевидностью продемонстрировало бы, в какой степени евгеники были детьми своего – очень отличного от нашего – времени.

Из наследия русской евгеники особо значимым, на мой взгляд, оказался именно аспект «генеалогический анализ психических особенностей», поэтому достаточно полное знакомство с ним под одной обложкой – важнейшая предпосылка не только его возвращения в научный оборот, о чем уповает составитель (с. 60), но и заслуженного долгожданного признания вырванной страницы науки.

Т.В. Томашевич